

Е.И. БАБАКИНА

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ И ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В обширной 200-летней историографии Отечественной войны 1812 года, как признают ее современные исследователи, остается еще немало не решенных до конца вопросов, требующих точных и аргументированных ответов, а также новой интерпретации. К их числу относится полемика, касающаяся отношения Наполеона к крепостному праву в России и о его социальной политике на оккупированных российских территориях. Целью данной статьи является подведение некоторых итогов этой полемики в отечественной исторической науке.

Первые исследователи истории наполеоновского нашествия на Россию старались замалчивать проблему социально-классовых противоречий во время войны и наличие у Наполеона планов отмены крепостного права. Это объяснялось существовавшим в России политическим режимом и цензурными ограничениями, исходившими из официального постулата о единении в 1812 г. “всех состояний” (сословий) вокруг престола. В своем официальном “Описании Отечественной войны 1812 г.” М.И. Михайловский-Данилевский заверял читателей, что “нигде в губерниях, прилегавших к театру губительнейшей из войн... покорность начальству и помещикам ни в каком случае не прерывалась”¹. Но при этом историк вынужден был признать факт антифеодальной пропаганды со стороны противника, раскрывавшей пороки существовавших в России крепостнических порядков. В “Описании” указывалось, что в ответ на прокламации русского командования, обращенные к солдатам Великой армии, Наполеон приказал опубликовать их в своих газетах “с прибавлением невыгодных на них замечаний”².

Более того, А.И. Михайловский-Данилевский, будучи непосредственным участником и свидетелем событий того времени, признал, правда завуалированно, имевшие место факты подавления в прифронтовых районах антипомещичьих крестьянских выступлений, возникавших, в том числе, и под влиянием антикрепостнической наполеоновской пропаганды. “Начальники народного вооружения Смоленской губернии, – писал он, – сохраняли повиновение там, где проявлялась наклонность к послушанию. Они предупреждали своеволие, какое могло произойти от смущения неприятельского и воззваний, рассеиваемых врагами, вселяя смирение и покорность в имениях помещиков, находившихся в удалении, или в армии”³.

Как уже отмечалось, данный научный труд имел статус официального издания, его автор выполнял правительственный заказ, а работа редактировалась лично импе-

Бабакина Елена Игоревна – соискатель ученой степени кандидата исторических наук в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации.

¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году, в 4 ч. СПб., 1839; ч. 3, с. 127–128.

² Там же, ч. 1, с. 195.

³ Там же, ч. 3, с. 114.

ратором Николаем I⁴. При этом обращает на себя внимание тот факт, что упомянутые сюжеты не были исключены из текста, т.е. наличие антикрепостнической пропаганды со стороны противника и ее определенное влияние на настроения русских крестьян уже в то время косвенно признавались высшей государственной властью.

В последующем детально изучивший вопрос об отношении Наполеона к русским прокламациям А.Г. Тартаковский справедливо заметил, что тщетно было бы искать в работах русских историков XIX – начала XX в. каких-либо отголосков свидетельства А.И. Михайловского-Данилевского, позволяющего более полно раскрыть вопрос “об антикрепостнических делах и мыслях французского императора в 1812 г.”⁵

Более обстоятельно и аргументированно вопрос о замыслах Наполеона по освобождению русских крестьян от крепостной зависимости стал освещаться в преддверии 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года. И хотя некоторая часть исследователей сохранила традиционные взгляды на проблему⁶, представители нового либерально-демократического направления, сложившегося в российской исторической науке в начале XX столетия, на основе архивных материалов документально доказали наличие в стране массовых антикрепостнических крестьянских выступлений. Тем самым они опровергли официальный патриотический тезис о социально-политическом единстве русского общества в год наполеоновского нашествия⁷. Одновременно ими признавались попытки французских властей ввести в захваченных крупных российских городах – Вильне, Минске, Смоленске и даже в Москве – новые правовые установления на основе гражданского равенства. Именно тогда получили освещение указания Наполеона, касающиеся поиска прокламаций Емельяна Пугачева для возможной организации выступлений крестьян против самодержавной формы правления и крепостнических отношений в стране. Данное обстоятельство, как отмечалось в литературе, возбудило в среде дворянства социальный страх, который породил лозунги патриотического содержания. По мнению историков-либералов, поместное дворянство и армейское офицерство, боясь наполеоновских социальных реформ, стали главной социально-политической силой, оказывавшей давление на царя и не позволявшей ему идти на очередное соглашение с Наполеоном. Как полагали исследователи, император французов возбуждал страх и ненависть правящего класса не только как завоеватель. В глазах крепостнического русского дворянства он был олицетворением революционного начала. Наполеона боялись в первую очередь как носителя идеи свободы, и прежде всего свободы крестьянской⁸.

Эта вера историков либерально-демократической историографии начала XX столетия в реформаторские замыслы Бонапарта впоследствии была раскритикована в советской исторической науке. Великие социальные потрясения, связанные с Октябрьской революцией 1917 г., оказали кардинальное влияние на оценки социально-политических аспектов Отечественной войны 1812 года. С приходом к власти партии большевиков и упрочением Советского государства история Российской империи стала осмысливаться по-новому – с позиций марксистско-ленинской теории формационного развития общества и принципа партийности в исторических исследованиях. В этой связи взгляды классиков марксизма-ленинизма постепенно приобрели значение аксиом и важнейших методологических ориентиров, определявших основные направления научного поиска.

⁴ См. *Шильдер Н.К.* Император Николай I и Михайловский-Данилевский. – Русская старина, 1900, июнь, с. 585–591.

⁵ См. *Тартаковский А.Г.* Из истории одной забытой полемики. (Об антикрепостнических “диверсиях” Наполеона в 1812 г.). – История СССР, 1968, № 2, с. 26.

⁶ См.: *Вороновский В.М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. 1812–1912. СПб., 1912; *Грачев В.И.* Смоленск и его губерния в 1812 г. Смоленск, 1912.

⁷ См. *Семевский В.И.* Волнения крестьян в 1812 г. – Отечественная война и русское общество, т. V. М., 1912.

⁸ Там же, с. 83–93; *Дживелегов А.К.* Александр I и Наполеон: исторические очерки. М., 1915, с. 28.

Однако на этапе формирования советской исторической науки в 20-е – первой половине 30-х годов XX в. освещение событий 1812 г. продолжалось с позиций либерально-демократического направления, которое заняло господствующее положение в историографии этой темы. Особое значение приобрела работа М.Н. Покровского, посвященная внешней политике российского самодержавия в XIX в. Написанная в преддверии 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года для многотомной истории России в XIX в., она без каких-либо изменений и дополнений была переиздана в 1923 г.⁹ Хотя историк напрямую не затронул вопрос об антикрепостнической социальной политике Наполеона, он рассматривал императора французов как представителя самой прогрессивной на тот период буржуазно-демократической революции, с которой вела борьбу феодально-отсталая Россия. М.Н. Покровский признавал наличие массовой вооруженной борьбы русских крестьян против иноземных захватчиков, но объяснял ее причины не высшими патриотическими чувствами, а инстинктом самосохранения и понятным желанием защитить свои дома и имущество от наполеоновских мародеров. Основываясь на этой мысли, ранее уже звучавшей в дореволюционной литературе¹⁰, М.Н. Покровский стал отрицать национально-освободительный характер войны 1812 г.¹¹ Высокое должностное положение, которое он занимал в иерархии партийно-государственной номенклатуры советского государства (заместитель наркома просвещения РСФСР), определило вектор дальнейших исследований истории наполеоновских войн¹². Так, Н.В. Брюллова-Шаскольская подтвердила тезис М.Н. Покровского о псевдопатриотизме русских крестьян и указала на отсутствие у них какой-либо национальной идеи¹³. “Огрубление... русского народа”, заставившее Наполеона отказаться от мыслей об освобождении крестьянства, по ее мнению, было не чем иным, как проявлением естественной реакции на жестокость и непотребное поведение французских солдат¹⁴.

Со второй половины 1930-х годов в советской историографии Отечественной войны 1812 года стала активно разрабатываться концепция об агрессивном и захватническом характере внешней политики Наполеона. В этой связи точка зрения М.Н. Покровского на характер внешнеполитических отношений между Россией и наполеоновской Францией в начале XIX в. была подвергнута жесткой критике. Новые подходы базировались на ленинской идее превращения под влиянием контрреволюционной диктатуры Наполеона освободительных войн революционной Франции в завоевательные¹⁵. Это положение было развито И.В. Сталиным, в свою очередь отмечавшим, что буржуазное правительство Наполеона “задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии”¹⁶.

Как следствие, в советской историографии получила развитие идея о порабощении французскими захватчиками населения побежденных стран. Стали утверждаться взгляды, согласно которым Россия нужна была Наполеону не как свободное, процветающее государство с раскрепощенным народом, а как колония буржуазной Франции. Эти общие установки, актуализированные агрессивным внешнеполитическим курсом

⁹ См. История России в XIX веке, в 4 ч., 9 т. СПб., 1907–1911; ч. 1, т. 1–2; *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

¹⁰ См. Из записок Д.П. Рунича. – Русская старина, т. 105, 1901, с. 612.

¹¹ См. *Покровский М.Н.* Указ. соч., с. 8, 20, 56–57.

¹² См. *Богданович Т.А.* Наполеон – герой буржуазии. Л. – М., 1925; *Савин Н.И.* Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского уезда Смоленской губ. Дорогобуж, 1926; *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. М., 1931; *Гуковские З. и Г.* Крестьяне в 1812 г. М., 1932.

¹³ См. *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Указ. соч., с. 59.

¹⁴ Там же, с. 58.

¹⁵ См. *Ленин В.И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 196.

¹⁶ См. *Сталин И.В.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года. М., 1937, с. 8.

гитлеровской Германии, и определили позицию советских историков по вопросу об освобождении Наполеоном русских крестьян.

Анализ советской исторической литературы второй половины 1930-х — первой половины 1980-х годов позволяет утверждать, что для развития историографии исследуемого вопроса концептуальное значение имела статья К.Л. Селезнева “О войне 1812 года”, опубликованная в 1936 г. в журнале “Борьба классов”. Сам факт ее публикации в печатном органе издательства ЦК ВКП(б) “Правда” свидетельствовал об одобрении авторской позиции К.Л. Селезнева в партийных верхах и определил особое отношение исследователей к данной работе¹⁷. Историк в духе ленинско-сталинских идей о реакционном характере внутренней и внешней политики наполеоновской Франции утверждал, что цель наполеоновского вторжения состояла в реализации плана порабощения и раздробления России. “Наполеон, — отмечалось в статье, — предполагал провозгласить себя королем Польши, а Иосифа Понятовского вознаградить княжеством Смоленским; из казачьих областей и Украины должно было быть создано самостоятельное королевство или Привислинский союз (наподобие Рейнского союза)”¹⁸.

По мнению К.Л. Селезнева, подлинные цели этой захватнической войны Наполеон вынужден был маскировать “призраком революции”, в том числе освободительным лозунгом отмены крепостного права. В действительности же Наполеон и его приближенные шли в Россию не для того, чтобы “разбить цепи крепостничества, а чтобы завоевать ее, раздробить и колонизировать”.

Получившее распространение в российской и зарубежной литературе начала XX в. положение, согласно которому Бонапарт, вступая в Россию, предполагал освободить русское крестьянство от крепостнического рабства, К.Л. Селезнев назвал легендой официальных историков Франции. По его мнению, план освобождения крестьян Наполеон отверг как рискованный и крайне опасный. В подтверждение автор статьи ссылался на речь императора перед сенатом 20 декабря 1812 г., в которой Наполеон объяснял свой отказ от мер по “освобождению рабов... огрубением этого многочисленного класса русского народа”¹⁹. Как считал К.Л. Селезнев, реакционность социальной политики Наполеона и его нежелание проводить крестьянскую реформу нашли отражение в специальных прокламациях к населению Смоленской губернии. В этих прокламациях французские власти призывали помещиков “иметь доверие” к ним, уверяли, что “французский император восстановит прежний порядок”, а от крестьян ожидали повинности и покорности²⁰.

Идеи К.Л. Селезнева получили обоснование в работах ведущих исследователей истории Отечественной войны 1812 года второй половины 1930-х годов. Так, Е.В. Тарле, придерживаясь заданных партийным журналом установок, утверждал, что “на самом деле Наполеон не только не пытался уничтожить крепостное право в занятых им областях, но и всякое самостоятельное покушение крестьян избавиться собственными силами от гнета своих помещиков беспощадно подавлял силой оружия”²¹. Французский полководец, подчеркивал историк, реально представлял себе возможные последствия своего решительного выступления в качестве освободителя крестьян. Наполеон, писал Е.В. Тарле, не хотел “разнуздать стихию народного бунта”, ибо не желал создавать положения, при котором не с кем было бы заключить мирный договор. Таким образом, “для императора новой буржуазной Европы мужицкая революция оказалась неприемлемой даже в борьбе против феодально-абсолютистской монархии и даже в такой момент, когда эта революция являлась для него единственным шансом возможной победы”²².

¹⁷ См. Селезнев К. О войне 1812 года. — Борьба классов, 1936, № 6.

¹⁸ Там же, с. 18.

¹⁹ Там же, с. 20.

²⁰ Там же.

²¹ Тарле Е.В. Наполеон. М., 1939, с. 184.

²² Там же, с. 193.

Другой известный советский историк, В.И. Пичета, приняв активное участие в организованной партийными верхами разоблачительной кампании против “антимарксистских, антиленинских, по сути дела ликвидаторских, антинаучных”, как было заявлено в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г., взглядов на историческую науку М.Н. Покровского²³, подчеркивал в духе принятых к научному обоснованию ленинско-сталинских высказываний о политике наполеоновской Франции, что “характер войн Наполеона был противоположен войнам времени подъема французской буржуазной революции... Наполеоновское правительство было по своей классовой сущности контрреволюционным. Оно задержало развитие французской буржуазной революции и сохранило только те ее результаты, которые были выгодны буржуазии”²⁴. В.И. Пичета обвинил М.Н. Покровского в отрицании национально-освободительного характера этой войны, патриотического подъема русского народа и патриотического сознания крестьянства, в частности, а также в отрицании “народной войны” как важнейшего фактора победы над Наполеоном. В контексте статьи К.Л. Селезнева он призывал “отказаться от созданной самим Наполеоном легенды о его намерении освободить крепостных крестьян и тем самым привлечь последних на свою сторону”. Вслед за К.Л. Селезневим, В.И. Пичета критически отнесся к этой идее, считая, что данная “легенда поддерживалась отдельными французскими мемуаристами, как Сегюр и др.”, а “буржуазные русские историки верили этим рассказам о планах Наполеона”.

Подвергнув сомнению наполеоновские планы освобождения русских крестьян, В.И. Пичета писал, что Наполеон, организуя французское управление в оккупированных областях, везде и всегда искал опоры в местном дворянстве, надеясь добиться поставленной цели с его помощью. Историк многократно подчеркивал, что наполеоновская социальная политика вообще была контрреволюционной и Наполеон, конечно же, не мог встать на путь освобождения крестьян и уничтожения феодальной эксплуатации в царской России, а созданная его апологетами легенда может вызывать доверие лишь у исследователей, привыкших некритически верить каждому слову Наполеона²⁵.

Тема получила дальнейшее развитие в период борьбы советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. В этих условиях наполеоновские замыслы освобождения крестьян стали однозначно оцениваться как пропагандистская политическая акция, не соответствующая проводимой на оккупированной российской территории социальной политике императора французов²⁶.

Концепция о перерождении характера внешней политики Франции в начале XIX в. из национально-освободительной в захватническую, а также об отсутствии у Наполеона реальных планов освобождения русских крестьян от крепостной зависимости окончательно утвердилась в 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия²⁷. Ее основные

²³ О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”: постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. – КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. 1925–1953. М., 1954; см. также: На фронте исторической науки: в совнарком Союзу ССР и ЦК ВКП(б). – Борьба классов, 1936, № 2, с. 4–5.

²⁴ Пичета В.И. М.Н. Покровский о войне 1812 года. – Против исторической концепции М.Н. Покровского. Сб. ст. в 2 ч., ч. 1. М.–Л., 1939, с. 280.

²⁵ Там же, с. 296.

²⁶ См. Брагин М. Разгром Наполеона русской армией. – Военно-исторический журнал, 1941, № 6–7.

²⁷ См.: Нечкина М.В. Москва в 1812 году. – История Москвы, в 6 т., т. 3. М., 1954, с. 120; Рябов Г.Т. Крестьянское движение в Смоленской губернии. Смоленск, 1957, с. 29; Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. Сб. док. М., 1961, с. 18; Ливчак Б.Ф. Народное ополчение. Свердловск, 1961, с. 60; Ростунов И.И. Народные массы России в Отечественной войне 1812 года. – Военно-исторический журнал, 1962, № 6; Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967, с. 10; Абалихин Б.С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. – Из истории классовой борьбы в дореволюционной и советской России. Волгоград, 1967, с. 120–122, 136; Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. М., 1975, с. 79, 89; и др.

положения с некоторыми оговорками нашли предметное научное обоснование в работах А.В. Фадеева, С.Б. Окуня и А.Г. Тартаковского, посвященных анализу социально-политических аспектов Отечественной войны 1812 года²⁸.

В частности, у А.В. Фадеева не вызывал сомнений агрессивный характер начатой Наполеоном войны. Проанализировав российскую периодическую печать начала XIX в., он традиционно критически для советской историографии отнесся к попыткам публицистов того времени акцентировать общественное внимание на оценке Наполеона как “детища революции” и “ниспровергателя тронов”. Прогрессивная часть русского общества, считал историк, уже тогда понимала, что “Наполеон ведет вовсе не революционную войну”. Ученый по-новому интерпретировал официальную ленинско-сталинскую идею о перерождении прогрессивного социально-политического строя республиканской Франции в контрреволюционную наполеоновскую монархию. Из общей концептуальной посылки, согласно которой “агрессивные замыслы Наполеона угрожали не царскому престолу, а коренным национальным интересам русского народа”, им делался вывод, что победа завоевателя неминуемо пресекала бы развитие прогрессивных тенденций, наметившихся тогда в социально-экономической и культурной жизни крепостной России²⁹.

С позиций классового подхода к изучению истории дореволюционной России А.В. Фадеев охарактеризовал дворянское сословие как утратившее в условиях надвигавшегося кризиса крепостнической системы способность к решению актуальных задач национального развития. Подчеркивая нарастание во время войны классовых антагонизмов между правящим классом и крестьянством, исследователь развил тезис либерально-демократической историографии начала XX столетия о том, что русское дворянство в период нашествия испытывало страх возникновения новой пугачевщины. Правда, революционные настроения в крестьянской среде А.В. Фадеев выводил не из наполеоновских планов освобождения русских крестьян, а из распространявшихся в народе “слухов о “воле”, которую якобы дадут (царь и помещики. – *Е.Б.*) крестьянам после войны... В этой обстановке крепостники-помещики боялись не столько наполеоновского нашествия, сколько новой крестьянской войны”³⁰.

Несколько по-иному звучали оценки характера внешнеполитической деятельности Наполеона у С.Б. Окуня, который отметил наличие в российском общественном мнении накануне и в период войны двух точек зрения по данному вопросу. С одной стороны, писал историк, в передовых кругах российского общества пока еще «медленно, но неуклонно оформляется убеждение в том, что Наполеон не порождение революции, а ее перерождение”. С другой стороны, этим неофициальным суждениям противостоит “националистическая пропаганда, исходным моментом которой, проводимой как до Тильзитского трактата, так и после его заключения, было утверждение, что Наполеон “исчадие революции”»³¹.

На основе подобных представлений о господствовавших в российском обществе настроениях С.Б. Окунь утверждал, что консервативные круги русского дворянства, боясь превращения войны с Францией в народную, стремились всячески предотвратить столкновение с Наполеоном, даже если бы для этого потребовались новые уступки. Однако в данном случае историк пошел дальше своих предшественников, признав тот факт, что в силу ряда обстоятельств, в первую очередь из-за необходимости создать массовую армию, правящие круги России вынуждены были пойти на развитие народной войны. Политический смысл и значение такой народной войны, по мнению С.Б. Окуня, также имели реакционное содержание.

²⁸ См.: *Окунь С.Б.* Русский народ и Отечественная война 1812 года. – История СССР, 1962, № 4; *Фадеев А.В.* Отечественная война 1812 г. и русское общество. – История СССР, 1962, № 6.

²⁹ См. *Фадеев А.В.* Указ. соч., с. 20.

³⁰ Там же, с. 23.

³¹ *Окунь С.Б.* Указ. соч., с. 52, 53.

В 1812 г., считал С.Б. Окунь, отсутствовало “единение всех сословий”, о котором писали историки XIX в. На основе анализа архивных документов он делал вывод о резком увеличении в тот период количества крестьянских выступлений. С точки зрения ученого, веками сложившееся у русских крестьян чувство ответственности за независимость своей родины сочеталось со стремлением добиться и личной свободы. Поэтому, спасая страну от рабства внешнего, крестьяне полагали, что завоевывают и освобождение от рабства внутреннего³². Эту мотивацию С.Б. Окунь, как и А.В. Фадеев, считал главной для превращения войны против Наполеона в войну народную.

Исследователь попытался дать свой ответ на вопрос, почему в качестве меры для предупреждения народной крестьянской войны против Великой армии Наполеон не провозгласил отмену крепостного права в России, в то время как дворяне ясно осознавали угрозу повсеместного антиправительственного крестьянского восстания под влиянием французской пропаганды. Одной из причин такой позиции Наполеона историк называл монархические убеждения императора и сложившуюся на этой почве деспотическую систему государственного правления Франции. Свою точку зрения С.Б. Окунь аргументировал соответствующими высказываниями голландского барона на французской службе генерала А. Дедема.

Однако подобное объяснение действий Наполеона, по мнению ученого, требовало “дополнительных соображений, непосредственно вытекающих из обстоятельств 1812 г.” Необходимость пояснений, считал историк, связана с социальными преобразованиями, проведенными в 1807 г. в герцогстве Варшавском, по личному освобождению польских крестьян. У С.Б. Окуня не вызывал сомнений тот факт, что Наполеон уже тогда выступал не как социальный реформатор, а как трезвый политик. В польском случае он опирался “на феодальную знать, которая стремилась закрепить свое феодальное право на землю буржуазными принципами частной собственности, а также законодательно оформить обязательства крестьян выполнять все надлежащие повинности”³³.

В России же отмена крепостного права неизбежно привела бы к повсеместному крестьянскому восстанию, и, значит, не удалось бы достичь политических целей войны. Мирный договор на условиях, необходимых Франции, император французов мог заключить лишь с Александром I, который имел власть и располагал силой ровно до того момента, пока в России не вспыхнет крестьянская война. Если польская шляхта в своих надеждах на получение государственной независимости сохраняла верность Франции, то в России Наполеон “не только не мог бы рассчитывать на мирный договор с дворянским правительством, но никакими средствами в условиях войны не мог бы предотвратить борьбу крестьян за землю”. В конечном счете, считал С.Б. Окунь, “провозгласить свободу рабов в России” для Наполеона значило вооружить наибольшую часть ее народонаселения не только против своего политического противника, но опять-таки против себя. Отсюда С.Б. Окунем выводилась и главная причина поражения Бонапарта в 1812 г. – “предполагая воевать с русским царем, он оказался в состоянии войны с русским народом”³⁴.

Анализ работ А.В. Фадеева и С.Б. Окуня свидетельствует о наличии некоторых разночтений в их объяснении характера внешней политики Наполеона и ее влияния на социально-политическую жизнь самодержавной России. Эти разночтения имеют место при характеристике отношения правящего класса к народному движению во время войны и политическим акциям, проводимым французами на оккупированных территориях. Тем не менее оба исследователя придерживались общей методологической схемы, сформированной во второй половине 1930-х годов.

По сути дела, такие же методологические установки характерны и для В.Г. Сироткина, исследовавшего новые тенденции развития наполеоновской темы во французской

³² Там же, с. 59.

³³ Там же, с. 60.

³⁴ Там же, с. 60–61.

историографии 60-х годов XX столетия³⁵. Его методологический подход состоял в признании у современных французских авторов определенной модернизации истории войны 1812 г., стремления связать события прошлого с современностью в контексте существовавшего противостояния СССР и стран Западной Европы. В духе своего времени автор подчеркнул, что при наличии огромного количества различного рода исследований французской буржуазной историографии так и не удалось преодолеть прежние пороки. Среди работ, где дана объективная характеристика захватнической политики наполеоновской империи и классовой сущности бонапартизма, Сироткин особо выделил книгу историка-марксиста Э. Терсена.

В целом в рамках заданной методологической схемы остался и А.Г. Тартаковский, который провел наиболее обстоятельный анализ социальной политики Наполеона на оккупированных французами российских территориях и выделил некоторые ее особенности в различных регионах³⁶. Так, по мнению исследователя, имея поддержку среди высшего сословия в западных губерниях, Наполеон полностью сохранял крепостнические отношения и жестоко подавлял крестьянские волнения. Что же касается исконно русских земель, то разговоры об отмене крепостного права приобрели исключительно пропагандистский характер, поскольку Наполеон никогда всерьез не думал об освобождении русских крестьян.

В постсоветской отечественной историографии произошел переход от методологического монизма к научному плюрализму, что проявилось и в вопросах изучения Отечественной войны 1812 года. Наряду с традиционными методами исторического исследования стали активно использоваться междисциплинарный подход, элементы исторической имагологии, микроистории, исторической психологии. В результате это эпохальное историческое событие начало все чаще рассматриваться не только с позиции столкновения государств с различным социально-политическим строем, но и сквозь призму противодействия разных культур, различного менталитета и цивилизационных устоев народов.

Происходившее обновление историографии Отечественной войны 1812 года, попытки ее глубокого критического осмысления, тем не менее, не привели к кардинальному изменению взглядов, а наоборот, способствовали продолжению и обновлению предшествующей историографической традиции. При этом часть историков “новой волны” обратила особое внимание на достижения западной историографии и использовала их в конкретных исследованиях. Наиболее показательны в данном отношении работы екатеринбургского историка В.Н. Земцова, который считал распространение идеи о забитости и дикости русского крестьянства важным звеном в конструировании “образа врага” для солдат Великой армии. По мнению исследователя, наполеоновский “Ответ французского гренадера”, по существу, являлся обращением Наполеона к широкой общественности, строился на убеждении в нравственном превосходстве “свободных” французских солдат над солдатами крепостнической, рабской России. С точки зрения В.Н. Земцова, эти пропагандистские заявления, предназначенные, в первую очередь для собственных солдат, нужны были для морального оправдания откровенно захватнического военного похода под лозунгами уничтожения “рабства в русской империи”, “восстановления права ее подданных, когда каждый крестьянин станет субъектом и гражданином государства”. Именно эта уверенность Наполеона в низкой степени общественной жизни и сознания русских, как полагал В.Н. Земцов, заставила его изначально полностью (или почти полностью) исключить социальный аспект из русской кампании и отказаться от возможности каких-либо радикальных мер в отношении крепостничества³⁷.

³⁵ См. *Сироткин В.Г.* Война 1812 г. в общих работах современных историков Франции. – История СССР, 1962, № 6.

³⁶ См. *Тартаковский А.Г.* Указ. соч.

³⁷ См. *Земцов В.Н.* Россия и русские глазами французов в 1812 г. – Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002, с. 99–100.

Позиция В.Н. Земцова перекликается с точкой зрения Н.А. Троицкого, выводившего одну из причин поражения Наполеона в России из его отношения к русским крестьянам. “Просчет Наполеона, – отмечал историк, – состоял в том, что он, верно определив как “рабскую” степень юридической и материальной придавленности русских крестьян, преувеличил их духовную, нравственную отсталость, посчитав, что они столь же темны, сколь и бесправны”. Такая недооценка нравственных начал русского народа, способного на бескорыстный и самоотверженный патриотизм, по мнению историка, и привела к скорому поражению Наполеона³⁸.

Вопрос о социальной политике Наполеона на захваченных российских территориях в прямой постановке был поднят одним из современных исследователей Отечественной войны 1812 года А.И. Поповым³⁹. Опираясь на свидетельства участников похода, ученый утверждает, что именно “беспредел” мужицкого бунта оттолкнул Наполеона от идеи освобождения крестьян. Проследив политическую эволюцию императора французов, А.И. Попов, как в свое время С.Б. Окунь, пришел к выводу, что, являясь узурпатором власти, Наполеон всячески стремился подчеркнуть законность своего правления и это заставило его отказаться от образа революционного генерала, а следовательно, и от революционной войны. Отказ официально провозгласить отмену крепостного права в России был обусловлен необходимостью подписания легитимного мирного договора, который можно было заключить только с российским императором и только в условиях сохранения прежних феодальных порядков.

Анализ 200-летнего развития отечественной историографии по вопросу о социальной политике Наполеона на оккупированных территориях и отмены крепостного права в России позволяет, в частности, утверждать, что эта тема как предмет научного исследования возникла в российской историографии почти через 100 лет после окончания войны. При этом наблюдался большой разброс мнений, и суждения историков, как правило, тесно увязывались с их оценками характера внешней политики Франции в начале XIX в., а также с вопросом о причинах крестьянских волнений во время отражения агрессии. Официальная национально-патриотическая историография первой половины XIX в. признала лишь сам факт наполеоновской антикрепостнической пропаганды и ее влияние на настроения русских крестьян. По мере дальнейшего изучения этой темы эволюция взглядов шла в направлении от косвенного признания планов Наполеона об отмене крепостного права в России историками либерально-демократического направления начала XX в. до полного отрицания подобного замысла советскими и современными исследователями Отечественной войны 1812 года.

³⁸ См. *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 2007, с. 361.

³⁹ См. *Попов А.И.* Наполеон и крепостное право в России в 1812 году. – Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001.